

УДК 821.161.1(1-87)

**ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ И. С. ШМЕЛЕВА
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ИВА ЖАНТИЙОМА-КУТЫРИНА)**

Е. П. Серапионова

*Институт славяноведения Российской академии наук,
МГИМО (Университет) МИД РФ, Москва, Россия*

В статье, основанной на воспоминаниях внучатого племянника и письмах И. С. Шмелева к нему и его матери, рассказывается о характере, привычках, взглядах русского писателя, чье творчество непосредственно связано с Крымом. В Алуште уже более 20 лет существует музей И. С. Шмелева, и проводятся научные конференции, посвященные его наследию.

Ключевые слова: Крым, Алушта, музей И. С. Шмелева, его жизнь и творчество в эмиграции, отношения с А. И. Деникиным и другими русскими эмигрантами.

В Крыму, в Алуште, есть музей русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева. Это неслучайно. В июне 1918 г. писатель с женой и сыном приехал из Москвы в Алушту, где приобрел небольшой участок земли и поселился. Но и там Шмелевых «догнала» Гражданская война, отнявшая у писателя единственного сына Сергея, который как белый офицер был расстрелян в Крыму. Именно крымские воспоминания легли в основу, пожалуй, самого пронзительного произведения Шмелева – «Солнце мертвых». Директором музея является В. А. Цыганник, настоящий подвижник музейного дела, человек активный и неравнодушный, сумевший организовать и практически ежегодно более 20 лет проводить так называемые Шмелевские чтения – международный форум ценителей и знатоков творческого наследия писателя. Основные участники чтений, конечно же, филологи, но и историки, в основном занимающиеся проблемами русской эмиграции, почти с первых лет проведения этой научной конференции являлись и являются ее участниками.

Литературоведы исследуют биографию писателя, его произведения, пытаются оценить авторский талант. Историки сосредоточиваются на личности Шмелева, стараясь показать ее на историческом фоне: в отношениях с родными, близкими, друзьями и знакомыми. Они исследуют роль писателя в общественном сознании, его жизненную позицию и взгляды.

XXII Шмелевские чтения, состоявшиеся в сентябре 2015 г., о многом говорят. Шмелев – писатель, чье творчество было широко известно в дореволюционной России, но стало активно изучаться лишь с начала 1990-х годов из-за его резко антибольшевистской позиции. Правда, благодаря ни на кого не похожей манере письма, яркому, образному языку, Шмелев вновь быстро завоевал популярность,

его сочинения издаются достаточно большими тиражами. И, несмотря на обилие литературы о нем, личность писателя не перестает вызывать интерес. В 2011 году в издательстве им. Сабашниковых Российским фондом культуры изданы воспоминания внучатого племянника и крестника Ивана Сергеевича Шмелева – Ивистиона Жантийома-Кутырина, родившегося в Париже в 1920 г. и, можно сказать, воспитанного в семье Шмелевых. Конечно же, воспоминания – вещь сугубо субъективная, но, дополненные эпистолярным наследием (сохранившимися и изданными в той же книге письмами Шмелева и его супруги Ольги Александровны к племяннице Ю. А. Кутыриной и ее сыну И. Жантийому-Кутырину), вполне могут стать источником для небольшого наброска к портрету, скорее, даже не писателя, а человека, обогатить его образ любопытными деталями.

Первое, что характеризует этого человека и о чем пишет Жантийом-Кутырин, – это необыкновенная доброта и мягкость. Испытав на себе «спартанское» воспитание с нередкими порками за шалости в детстве (о своем детстве И. С. Шмелев вспоминал в письме к крестнику: «Я в твои годы (в 10 лет. – Е. С.) целыми страницами писал, а читал столько, что тебе и не поднять, – такие толстые книги! И на все время было: и с мальчишками играл-дрался, и в училище бегал, и к Троице пешком ходил, и рыбку ловил, и голубей водил: ни минуты без дела!»), он никогда физически не наказывал своего внучатого племянника, воспитывал в ласке, не обижал, но давал понять и усвоить, что хорошо, а что плохо [1, с. 110].

Безудержная фантазия Шмелева увлекала ребенка, будила его воображение, учила мечтать. Выразительный голос Шмелева и его рассказы хорошо запомнились Иву и воспроизведены им через много лет. Шмелев, по словам Жантийома, обладал невероятной памятью и мог наизусть цитировать отрывки на латыни из «Войн Цезаря с галлами». Так как Шмелев был замечательным чтецом, его часто приглашали выступать на различных литературных вечерах, где он читал отрывки из своих произведений. Иву старались привить любовь и к русской, и к французской литературе, знакомя с ними в оригинале. Дома использовали домашний язык, так называемый идиолект, понятный только для членов семьи [1, с. 11–13].

Лишившись в 1921 году единственного сына-офицера, расстрелянного в Крыму, Шмелев относился к Ивушке как к собственному ребенку, часто играя с ним и одновременно обучая, как коптить рыбу на костре, мастерить лук из дубняка, делать стрелы с выемкой для тетивы, разжигать костер. Погибшего от рук большевиков Сережу никогда не забывали, он как бы постоянно присутствовал в семье, Иву ставили его в пример.

Судя по воспоминаниям, и еда (клюквенный кисель, гречневая каша, суп из сушеных белых грибов, маринованные грибы, соленые рыжики, пирожки с вязигой, блинчики), и игры (скажем, в бабки) были в семье типично русскими. Все русское культивировалось и сохранялось за рубежом, в этом выражалась и тоска по Родине, и желание сохранить собственный уклад, свою культуру, обычаи, традиции. Заботясь о крестнике, Шмелев хотел сделать из него честного русского человека для будущей России, в которую он верил. В письме Ивана Сергеевича племяннице жены Ю. А. Кутыриной есть такие строки: «Придет срок – и Россия получит полное удовлетворение, присущее ей место и уважение в мире, – будет увенчана. Без нее миру – не жить в мире» [1, с. 146–147].

Быть крестным отцом для него, человека верующего, не было пустым словом, он воспринимал это как большую ответственность перед Богом [1, с. 146–147]. Чета Шмелевых была очень религиозной, отмечали все православные праздники, соблюдали посты, исповедовались и причащались. Шмелев подолгу беседовал на религиозные темы с богословом А. В. Карташовым.

Когда-то в подростковом возрасте Шмелев хотел стать оперным певцом, и, хотя его мечта не осуществилась, он очень любил музыку и пел арии из опер, особенно из «Руслана и Людмилы», русские народные песни, приучив петь и крестника, который сам многим позже учил свою жену-итальянку русскому языку через пение русских песен. Песни пели народные, военные, авторские романсы, слова и мотив которых Ивушка запомнил на всю жизнь. Дядя Ваня, как его звал Ив, научил его «Гаудеамусу», песням о гибели крейсера «Варяг» и многим другим. Он водил крестника на оперу «Жизнь за царя» с участием Ф. И. Шаляпина. Шмелев любил слушать музыку Мусоргского, «Болеро» Равеля. Он рассказывал Иву русские сказки, учил скороговоркам.

Иван Сергеевич очень любил садоводство, занимался огородом, ему нравилось выращивать цветы во время летнего дачного сезона. Выращенные им настурции, душистый горошек, подсолнухи вызывали восхищение соседей. Даже в выборе огородных культур Шмелев, по словам внучатого племянника, предпочитал все русское: «русские огурцы, а не французские хилые корнишоны, ароматный укроп, а не „глупую“ петрушку» и т. п. [1, с. 16]. Глядя на худощавую фигуру писателя, никак нельзя предположить, что тот, оказывается, был большим лакомкой и требовательным гурманом, а его супруга Ольга баловала его вкусной стряпней. Сублищность и болезненный вид писателя объяснялись тем, что он страдал язвой желудка, время от времени едва переносил мучительные приступы. Пережив в Крыму страшный голод, Шмелевы крайне бережно относились к хлебу насущному, особым лакомством был редкий во Франции черный хлеб.

Иван Сергеевич обладал настолько сильным воображением, что во время поездки в Альпы, увидев Ива, стоящим на краю обрыва, упал в обморок, живо представив, что тот уже сорвался и летит в пропасть. Вместе с тем ребенка не растили неженкой, отправляли в мальчишеский военно-спортивный лагерь, где ребята играли в разведчиков, распевали военные песни, маршировали, занимались гимнастикой и овладевали полезными навыками.

В эмиграции Шмелевы жили очень скромно, постоянно нуждаясь в деньгах (в одном из писем Ю. А. Кутыриной он писал: «Веселого мало, печататься негде, но я привык») [1, с. 93], но тем не менее Иван Сергеевич отказался от экранизации своего романа «Человек из ресторана», так как был не согласен с требованиями продюсеров. Его принципиальность подтверждают слова Кутырина: «В области искусства он был непоколебим и не допускал ни малейших коммерческих компромиссов» [1, с. 14].

В Париже Шмелевы жили в 3-комнатной квартире на пятом этаже. Все хозяйские заботы были на супруге Ольге Александровне, а Шмелев обдумывал очередное произведение, а затем печатал его на машинке. Далее читал черновик жене, корректировал текст ручкой, считаясь с ее замечаниями. Он был всецело поглощен литературным трудом, рассматривая его как свое «жизненное задание» свыше и, как сам признавался, «прошел мимо жизни» [1, с. 82]. Писатель ценил спокойную обстановку для работы, свет и тепло.

Рассказывая о человеке, невозможно не коснуться его окружения, знакомых и друзей. «Скажи кто твой друг, и я скажу, кто ты» – определенно, в этой поговорке есть народная мудрость. Ив вспоминает о дружбе Шмелевых и Деникиных, когда обе семьи снимали поблизости дачи в Капрбретоне, Ландах и Аллемонте: ходили друг к другу в гости, устраивали совместные поездки, участвовали в экскурсиях, ходили за грибами и ягодами. Иван Сергеевич и Антон Иванович любили подолгу беседовать друг с другом [1, с. 18]. Ив же в это время играл с дочерью Деникиных Маришей. Шмелевы отличались гостеприимством, нередко к ним на дачу заезжал полковник К. С. Попов, потерявший руку в Первой мировой войне, член Союза русских военных инвалидов, секретарь редакции «Русский инвалид», мемуарист и литературный критик. Дружили Шмелевы и с семьей врача С. М. Серова. Русским врачам, не имевшим французского медицинского диплома, не разрешалось иметь собственную практику, они могли работать только в клинике под ответственность французского врача. Но Серов оказывал помощь больным, в том числе и Шмелевым (Ольга страдала сердечной недостаточностью). Бедных он лечил за гроши и даже бесплатно. Среди знакомых Шмелевых Иву запомнились еще Карташовы и профессор-славист Н. К. Кульман с супругой.

Из писем И. С. Шмелева Ю. А. Кутыриной становится ясно, что он любил детей и природу, обладал чувством юмора и наблюдательностью, был искренне привязан к Ивуну, как он называет его в письмах, очень увлечен работой, хотя нередко бывал разочарован, недоволен сделанным, хандрил, нервничал, чувствовал упадок сил, жаловался на проблемы со здоровьем. Читал «Последние новости», «Звено», но больше ценил и печатался в «Возрождении», считая, что там больше правды о России, чем в «явно враждебном всему нашему, родному, в “Посл. Нов.”» [1, с. 98]. В 1920-е годы еще существовала связь с Москвой, куда Иван Сергеевич планировал послать кому-то новые почтовые марки.

В письмах к крестнику Иван Сергеевич предстает шутливым выдумщиком, относящимся к мальчику скорее как к младшему другу, чем как к ребенку. Шмелев любил все живое – растения, муравьев, птиц, кошек, собак. Он рассказывает о совершенных прогулках, пеших и велосипедных, рыбной ловле, знакомых и соседях. Его письмо к заболевшему Иву пронизано любовью и заботой, с подробными советами, как вылечиться от простуды.

После смерти в 1936 году супруги Шмелев, пытаясь заглушить боль одиночества, много путешествовал: побывал в Латвии, Германии, Чехословакии. Любопытны его воспоминания о поездке в ЧСР. 22 мая 1937 г. он пишет крестнику из Ладомировой (православной обители в Словакии): «Милый мой Ивушка, добрался я до тихой обители... отдыхаю в полном покое. В Праге все мои выступления прошли при переполненных залах, в громе аплодисментов. Слушали меня 1800 человек. На “Пушкинском” собрании (13-го) весь зал поднялся, – было до 900 человек, – и приветствовал меня... Не думал я, что Прага так восторженно будет принимать меня. Получил и подношения. На вокзал – когда ехал я в монастырь – приехал проводить меня епископ Сергей и одарил куличами и конфетами. Словом – русская победа, полная!» В обители он чувствовал себя очень хорошо, восклицая в письме «Совсем – Россия» [1, с. 122].

Затем письма приходили из разных мест Франции, из Швейцарии, в них он сообщал, что много работает, устал, соскучился по близким и знакомым, что из Парижа

ему никто не пишет. Весной 1938 года из Цюриха Шмелев едет в Прагу, сетуя в письме на усталость от «борьбы с консулами и нансеновские волчьи билеты», затем он еще раз посетил обитель преподобного Иова – Братство преп. Иова Почаевского. На этот раз он в Праге заболел и писал, что это, вероятно, последнее его путешествие. Но после возвращения в Париж, в сентябре 1938 г. совершил новую поездку с С. М. Серовым на юг Франции. Даже находясь на отдыхе, он внимательно следил по газетам за происходившими в Европе событиями, отмечая, что политическое положение крайне обострилось [1, с. 139].

В годы войны И. С. Шмелев жил в Париже, работал. Последнее письмо Иву датировано мартом 1942 года. Оставаясь ярким противником большевиков, считая что «в большевизме гибнет, стирается человеческая личность с ей присущим – духовной свободой», «Шмелев переживал, когда «пинали и унижали» его родину. Он писал, что, несмотря ни на что, гордится, что он русский, – и этот его патриотизм и вера в будущее России, пожалуй, также одна из основных черт его характера и его творчества.

1. Жантийом-Кутырин И. Мой крестный. Воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева. М., 2011.

1. Zhantijom-Kutyryn I. Moj krestnyj. Vospominanija ob Ivane Shmeleve. Pis'ma I. Shmeleva. M., 2011.

**THE SKETCHES TO THE PORTRAIT OF I. S. SHMELEV
(FROM THE MEMOIRS OF IVE JANTIJOM-KUTYRIN)**

E. P. Serapionova

*Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
MGIMO MID RF, Moscow, Russia*

The subject of the article is the personality and life of I. S. Shmelev, a Russian writer who was popular before the October revolution. Based on Shmelev's grand-nephew memoirs, the article gives the reader an idea of the writer's main features of character, his life abroad, his views and habits. There is also information about his relations with A. I. Denikin and other Russian emigrants in France.

Keywords: Crimea, I. S. Shmelev's muzeum, emigrant, emigration.

Об авторе:

Серапионова Елена Павловна, доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения Российской академии наук, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ, Москва, serapion@hovrino.net

About the author:

Serapionova Elena Pavlovna, Doctor of History, Full Professor, Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, MGIMO MID RF, Moscow, Russia, serapion@hovrino.net